

**Федоров И. «Нет у меня иного счастья...» / И. Федоров
//Север. — 1980. — № 5. — С. 122-125.**

«НЕТ У МЕНЯ ИНОГО СЧАСТЬЯ...»

ЭТО БЫЛО на Дальнем Востоке лет пятнадцать назад. В студенческом общешитии Уссурийского педагогического института выступали поэты. Одним из них был Виктор Коротаяев. В то время еще молодой, неторопливый и кряжистый, с лохматой черной бородой и пронзительным, всепонимающим взглядом, он читал твердо, звонко и уверенно, но в стихах его чувствовалась та доверительная задушевность, та обнаженная беззащитность чувств, которые сразу же покоряют аудиторию. И сегодня я слышу голос поэта:

Звенит и поет поднебесье,
но доля певца тяжела:
на каждую новую песню
по три браконьерских ствола...

В этих строчках, еще до наивности прямолинейных и по-мальчишески запальчивых (не знаю, включал ли их автор в сборники), уже ощущалось понимание тернистости предстоящего пути, осознание трудностей поэтической миссии. И, помню, тогда же я внезапно подумал: а что такое поэзия вообще? То, что мы называем этим словом, есть лишь один из способов внутренней поддержки и духовного очищения. Не орудие познания, а средство оздоровления — вот что такое поэзия. «Тому, кто не знает, к какой гавани он плывет,— говорит народная поговорка,— нет попутного ветра». Истинный поэт если и не знает свою «гавань», то всегда предчувствует ее. Для него единственно правильный путь — неуклонное следование своему таланту, своему художественному инстинкту. Поэт обязан быть самим собой. Но чтобы оставаться самим собой, надо себя найти.

Искать себя, как хлеба ищут!
Мечась и мучаясь, искать.
Как на ревушем пепелище
детшек малых ищет мать.

Как поэт, В. Коротаяев нашел себя в родном «отчем» крае, в его природе, в его прошлом и настоящем. Вряд ли будет справедливо назвать его поэтом села — это лишь наиболее близкая ему форма выражения собственного понимания мира, любимый и наиболее доступный его таланту способ говорить «о времени и о себе», говорить о России.

Любовь к Родине — вечный и незабываемый фундамент нашей поэзии, без которого она теряет не только опору, но и всякий смысл.

Методы и приемы поэтического «воспевания» России разнообразны: от публицистической прямолинейности В. Маяковского («Пою мое Отечество, республику мою!») до молитвенно-элегического шепота Н. Рубцова («Тихая моя Родина! Ивы, река, соловьи...») Все это ветви одного вечнозеленого дерева, называемого в поэзии гражданственностью (синоним патриотизма).

В лучших стихах В. Коротаяева есть и то, и другое. Даже, казалось бы, в умиленно-созерцательном (а в действительности одухотворенном) описании природы (см., например, стихотворение «И снова в лесу, как в светлице...») ощущается мощное, действенное чувство сыновней преданности и любви к Родине. Именно в этом бескорыстно-благородном и в то же время заботливом чувстве видится мне близость лучших стихов В. Коротаяева поэзии Н. Рубцова (см. «Представлю тихую деревню...», «И снова во мраке осеннем...», «Мало жизни осталось...», «Все завесы ненастные порваны...» и некоторые другие).

Поэзия — это чувство Родины, всеобъемлющее и многогранное. Без него не может быть ни одной стоящей строки, как не может быть поэта без Родины. В нем — социально-нравственная зрелость поэта. Не случайно С. Есенин советовал одному из начинающих: «Ищи Родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет. Нет поэта без Родины». Речь шла о «малой родине», без которой, по его глубокому убеждению, нельзя понять и полюбить Родину большую. Ведь «малая родина» — это не просто местность, где ты появился на свет, это место твоего истинного — духовного рождения. Может быть, поэтому в образе малой родины всегда отражается, как «солнце в малой капле вод» (Г. Державин), лучезарный облик и всей нашей Отчизны.

Моя земля и стать, и силушка,
любовь моя, тоска и зависть,
я припаду к твоей осинушке
и навсегда уже признаюсь,
что только здесь,
где даль растворена,
дано почувствовать душою,
как эта маленькая родина
соединяется с большою.

Как глубоко, объемно и убедительно выражено чувство! «Я припаду к твоей осинушке...» Осинушка... В отличие от березы, рябины, клена — не повезло этому дереву в русской поэзии. Вечно дрожащая, зяблая и одинокая, осина в народном сознании давно стала символом тоски и уныния, символом чего-то пугающего и потустороннего. Поэтому трогает желание поэта разделить горе одинокого дерева, не отвернуться от беззащитной осины. «Припасть к осинушке...» — значит распахнуть душу миру, принять все сущее. Здесь, в отчем крае, на «тихом берегу над рекой», среди вечной природы зарождаются вечные мысли, возникает ощущение Родины и протравывается занавес над тайной бытия. Именно здесь, вдали от столичной суеты, среди вечной тишины и покоя, возможны мгновения истинного прозрения и предвидения. Маленькая лесная тропинка за селом («Тропа») приводит не только в дедовское прошлое, но и к сердечному пониманию настоящего, к внутреннему постижению смысла жизни, к интуитивному открытию главных и вечных истин, — то есть к счастью. Счастьем душевной сопричастности Родине.

В статьях и рецензиях о поэзии можно нередко встретить фразу: «Поэт любит свою Родину!» Ах, какая невидаль! А читатель не любит? Для чего же стихи? Для того, чтобы узнать, как поэт любит Родину? Читатель должен увидеть в стихах свою любовь. Нельзя хвалить поэта за любовь к Родине (без этого нет поэта вообще), поэт лишь тогда достоин похвалы, когда вызывает чувство любви в сердцах читателей. Слова и строчки — лишь внешний узор чего-то более существенного. И чтобы узор изобразить, это существенное надо иметь за душой. Иными сло-

вами, чтобы хорошо написать о Родине, необходимо почувствовать ответственность «за Россию, за народ и за все на свете» (А. Твардовский).

Но и этого мало. Белинский говорил: «Содержание — есть миросозерцание поэта». Не миросозерцание есть содержание, а именно содержание есть миросозерцание. Почему? Да потому что для того, чтобы миросозерцание стало содержанием, необходима еще и способность его выразить, то есть донести до читателя. Акт творчества не всегда определяется сознанием и не всегда возникает по нашему желанию. Как молния с неба, нисходит на поэта вдохновение.

И моля добра для всякой твари,
всем дурным прогнозам вопреки,
свято жду,
когда в меня ударит
золотая молния строки.

Только такие строки и могут быть эмоционально заразительными. Дело не в словах: в поэзии о чувстве больше говорят интонации, ибо поэзия — не громкоговоритель. Скорее — зеркало. Читатель если и не услышит, то увидит. Обмануть его трудно.

Уже в первом вышедшем в Москве сборнике «Мальчишки из далеких деревень» (1969 г.) — до этого у В. Коротаева выходили книги в местном издательстве — отчетливо зазвучала присущая ему нотка беспокойной ответственности за поэтическое слово. С обескураживающей бескомпромиссностью автор декларировал:

И тем, кто в рифмах ищет развлечения,
я говорю, их сдерживая прыть:

— Эй, уберите
ваши сочиненья.
Нам надобно
о жизни говорить.

Говорить о жизни для него в то время значило говорить о жизни родного села. Ранний В. Коротаев (см., например, сб. «Липовица», Архангельск, 1969 г.) — тонкий бытописатель, знаток народных обычаев, мастер разговорной речи. В его стихах привлекали зоркость художественного видения, подлинный, пусть несколько грубоватый, юмор, точность языка, естественность жизненных ситуаций. И все-таки это был лишь «разговор» о жизни. Во многом еще декларативный. Не сразу поэт научился жить в стихах, не сразу в его стихах и ожил мир.

Наблюдение за падающими с берез желто-красными листьями приводит поэта к раздумью, к глубокой человеческой мысли.

Если бы и нам на белом свете
жить вот так,
сгорая на лету,
чтобы даже собственную смертью
приносить на землю
красоту.

(«Осень»)

Настоящие поэты жили так всегда. Автора волнует проблема единства, проблема цельности поэта-творца и поэта-чело-

века. Он убежден: писание стихов — не казенно-служебное занятие, а повседневное (и повсечасное) состояние человека. Поэт не может быть праведником в стихах, будучи грешником в быту, ибо «для песен не годна душа, отвергнутая небом». Осевшее автором «прозрение, равное презрению к несовершенству своему» явилось деятельным стремлением к цельности, к неразделимому двуединству поэта и человека.

Постепенно от рифмованного разговора о жизни, от пейзажных зарисовок и бытовых сценок шел поэт к жизни духа, к проникновению в суть вещей и событий. Если в ранних стихах В. Коротаяев умел заразительно и аппетитно передать, например, радость простого физического труда, зримо показать, что труд на родной земле бодрит и оздоравливает, то теперь он предстает психологом, способным запечатлеть тончайшие нюансы нравственных переживаний, едва заметные движения человеческой души.

Очень точно передано состояние героя в стихотворении «Ах, если б все начать сначала!»: «Я верил ей, жалел и злился... И лишь помочь ничем не мог». Ну что ж, жалость — это уже помощь. И, может быть, в данной ситуации самая нужная. Помощь, опосредствованная читателем. В. Коротаяев стремится выявить и показать главные свойства национального русского характера: богатство и щедрость души, доброту и сострадание, долготерпение и незлобивость. «...душа не может долго мщеньем, как ртутным воздухом, дышать». С этим можно соглашаться, можно спорить, но важнее другое: поэт умеет подметить и художественно достоверно изобразить сложнейшие проявления человеческой психики.

Благотворное влияние на творчество В. Коротаяева оказал фольклор. Лучшие его стихи народны, не потому, что в них говорится о деревне, о старичках и старушках. Поэт, выражающий чувство Родины, не может быть не народным. И дело тут не в песенно-частушечных ритмах, не в простонародном говоре, а в самом духе его поэзии: в непостижимом единстве удалого бесшабашного озорства с безысходной всепоглощающей кручиной...

Умело использует В. Коротаяев повторы — распространенный прием устного народного творчества. Так, например, в стихотворении «Все завесы ненастные порваны...» каждая строфа заканчивается одним трижды повторенным словом. Эффект поразительный.

Постою над высокою кручею —
и заколет, заночует в груди:
неужели все самое лучшее
позади, позади, позади...

В чем гайна воздействия этого приема? Повторы лежат в основе народных песен, причитаний, молитв. На повторах основана и аутогенная гимнастика. Повторяющиеся слова, словно падающие капли, долбят камень... Из фольклора вытекает и мета-

форичность поэзии В. Коротаяева. «День был красный, как пасхальное яйцо...» — глубокий и точный образ. Пасха, весна, воскресение... Пробуждение жизни и в природе, и в душе человеческой...

Проще всего в некоторых стихах В. Коротаяева увидеть подражания другим поэтам. В стихотворении «Мало жизни осталось...» — Ф. Соллогубу, в «Заброшу я постылое жилище...» — С. Есенину, в «Тихо расстаемся у вокзала...» — Е. Евтушенко. Но это вряд ли будет правильно. Лично я убежден, что подражательных стихов не существует вообще. Есть лишь стихи бездарные. Поэзия — это мысли и чувства, и подражать им нельзя, потому что это не те мысли и чувства, которые сообщаются в стихах, а те, которые зарождаются в нас при чтении. Каждая мысль, каждое чувство неповторимо, как неповторим и читатель.

Все ли хорошо в рецензируемом сборнике? Нет, далеко не все. Сборник назван многозначительно — «Чаша». Само название настраивает на что-то серьезное, библейско-возвышенное. Чаша — это символ судьбы, доли, предначертания... Но когда мы встречаем в стихах всевозможные «бокалы», «фляги», «фужеры», «стопки» и т. п., то невольно забываем о многозначительной символике...

Есть стихи и откровенно слабые. Как в идейно-нравственном, так и в художественном отношении. В одном из них («Несите скорее меня, воронухи...») герой едет на свидание со своей возлюбленной, видит (мысленно!) ее «крупные и крепкие тревожные колени» и предстает, как сладостно захмелеет от «запаха навстречу взметнувшихся кружев»...

Вообще в любовной лирике автору нередко изменяют вкус и чувство меры. В стихотворении «Не скрываю доброго пристрастья» герой, сравнивая жену соседа с «садом», которому, к несчастью, «на хозяина не повезло», вспоминает свою «восхитительную привычку детства проверять соседские сады» и горделиво провозглашает:

Пусть владелец дрыхнет ночью зябкой.
С разрешения яблоньки приду
и его на пару лучших яблук
без раскаянья
обокраду!

Нет, если уж герой равняется на истинную нравственность (см. «Не избежать обычной участи...»), то пусть прислушивается и к ее заповедям... Правда, в поэзии нашей была уже попытка «реабилитировать понятие греха» (А. Вознесенский), но осуществить это неспроста. Поэзия может многое, но она не способна доказать, что черное есть белое. Подобные попытки не только вредны, но и бессмысленны.

Сила В. Коротаяева в другом. Судя по последним стихам (они же и лучшие), поэт смело преодолевает декларативность, издержки вкуса, узость конкретного бытописания и уверенно выходит на широкую дорогу подлинной поэзии.

Может, годы мои на исходе,
 может,
     сдвинулось что-то в крови,
 но ревнивей все
 и в природе,
 и в далеком и близком народе
 я согласья ищущу
 и любви.
 Словно школьник
     хорошей отметке,
 рад бываю — елей по лицу —
 и веселью за дверью соседки,
 и у клена подвязанной ветке,
 и спасенному в бурю пенцу.
 Видно, я дотянул до предела.
 И пора осознать до конца,
 что, творя и широкое дело,
 все ж вражда
 никогда не умела

ни согреть,
 ни возвысить сердца.
 Потому,
 постигая науку
 благородства и чести в бою,
 я встаю —
     в назиданье внуку —
 и обидчику старому
 руку
 первым
 с легкой душой
 подаю.

Хочется думать, что новые стихи Виктора Коротаява будут еще активнее восприниматься в сердцах читателей «всепоглощающей любви всепоглощающее чувство».

Игорь ФЕДОРОВ

ГДЕ «ГЕРКУЛЕС»?

КОГДА лет пять назад доктора исторических наук, автора многих книг по истории арктического мореплавания М. И. Белова попросили отрецензировать рукопись одного автора об экспедиции В. А. Русанова, он спросил: «А что, нашли «Геркулес»?». Смысл вопроса заключался в том, что за шесть десятилетий, прошедших со времени исчезновения во льдах Арктики В. А. Русанова и его команды на шхуне «Геркулес», об этой трагической экспедиции создана такая обширная литература, что нового о В. А. Русанове сказать больше нечего, осталось выяснить, что же случилось с исчезнувшим судном.

Слова Михаила Ивановича Белова вспомнились при прочтении второго раздела книги бывшего штурмана Северного флота В. И. Галенко «Курс — Север»*, который посвящен Великой Северной экспедиции. По данной теме существует также целая библиотека. Что же это за экспедиция? По словам М. И. Белова — «Это крупнейшее политическое, экономическое, научное и культурное мероприятие, не имеющее равных «во всей истории географических исследований»**. На протяжении десяти лет (1733—1743 годы) участники Великой Северной экспедиции исследовали и нанесли на карту берега Северного Ледовитого океана от Архангельска до Охотского моря, открыли десятки новых островов и проливов, изучили дельты крупнейших сибирских рек. Среди участников выдающейся полярной эпопеи немало известных полярных первопроходцев и мореплавателей, это — Витус Беринг, Алексей Чirikov, Василий Прончищев, братья Харитон и Дмитрий Лаптевы, Семен Челюскин, Степан Малыгин, Алексей Скуратов, Дмитрий Овцын и другие. Их имена сегодня

на карте мира, в названиях улиц, кораблей и книг. О Великой Северной экспедиции писали Г. Ф. Миллер и П. С. Паллас — в 18 веке, А. П. Соколов, Г. А. Сарычев, Ф. П. Врангель, Ф. П. Литке, А. Ф. Миндендорф — в 19 веке, А. И. Андриеев, Л. С. Берг, В. Ю. Визе, А. В. Ефимов, Н. Н. Зубов, М. И. Белов, Г. В. Яников, Д. М. Лебедев, В. А. Троицкий — в советское время.

Вышеназванные историки, ученые, мореплаватели, дополняя друг друга, выявили в архивах страны массу новых документов и карт, составили биографии полярных первопроходцев, участников Великой Северной экспедиции. Хотелось бы ожидать этого и от автора книги «Курс — Север». В книге почти не даются ссылки на источники, в конце ее не прилагается обязательный для такого рода изданий список использованной литературы, но можно догадываться, что использованы в основном труды М. И. Белова «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века» (М., 1956) и Н. Н. Зубова «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов» (М., 1954). У этих авторов заимствованы (также без ссылок) некоторые иллюстрации и карты походов мореплавателей. А между тем, не в пример экспедиции В. А. Русанова, данная тема далеко не исчерпана, ибо архивное наследие Великой Северной экспедиции, по словам исследователей-историков, огромно. Тысячи неиспользованных документов еще хранятся в делах архива Академии наук СССР, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном государственном архиве древних актов, а также в областных и, возможно, зарубежных архивах. Но розыск новых материалов обусловлен прежде всего хорошим знанием существующей литературы. В этом отношении представляется интересной работа краеведа Д. М. Романова «Полярные колумбы», вышедшая недавно в серии «Наши слав-

* Галенко В. И. Курс — Север. Мурманск, Кн. изд., 1978.

** Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956, с. 264.